

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Дениса Новожилова
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ТРИДЕВЯТОЕ ЦАРСТВО. ВОЙНА ЗА ТРОН
ТРИДЕВЯТОЕ ЦАРСТВО. УДАР СВЯТОГОРА
ТРИДЕВЯТОЕ ЦАРСТВО. В КОГТЯХ БЕЛОГО ОРЛА
ТРИДЕВЯТОЕ ЦАРСТВО. НАШЕСТВИЕ

Денис НОВОЖИЛОВ

ТРИДЕВЯТОЕ ЦАРСТВО.
НАШЕСТВИЕ

Роман

Москва, 2019
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Н74

Серия основана в 2004 году
Выпуск 699

Художник
В. Успенская

Новожилов Д. К.

Н74 Тридевятое царство. Нашествие: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 345 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2921-9

Над Тридевятым царством клубятся темные тучи большой беды и большой войны. Черный батыр ведет из Великой степи несметную орду в поход на Киев, а войско Белого королевства осаждает Смоленск, в обороне которого смоленцам помогают пришлые варяги и отряд новгородцев. В невольных союзниках у русичей — мертвое воинство царя Кошея, которому тоже предстоит сражение со степняками. А в союзниках явных — пятьсот всадников тяжелой кавалерии от базилевса Царьграда, войско берендеев, добровольцы-моряки с острова Буяна и немногие оставшиеся в живых легендарные русские богатыри. Но чем закончится эта страшная война, знает только вещая птица Гамаюн.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2921-9

© Новожилов Д. К., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

Глава 1

ЗАЩИТНИК ЮНОЙ КНЯГИНИ

Трофим в который уже раз изучал паутину в углу, стремясь увидеть ее творца-паука. Охрана княгини — дело скучное. Особенно если в палаты не входит никто из посторонних. Подле Аленушки застыл ее богатырь: уж Кольван-то злодея мимо не пропустит; а на долю остальных стражников остается скука да тоска, разве что паутину рассматривать.

Большой совет Тридевятого царства был в сборе, теперь он выглядел куда солиднее: все же за столом заседали аж три князя, втрое больше, чем в те времена, когда, кроме покойного Даниила Галицкого, из князей в Киеве никто не был представлен. Воеводу Лютополка не звали: хотя указом великой княгини ему и пожаловали княжеский титул, вот только взбунтовавшаяся Галицко-Волынская земля признавать одноглазого выскочку не спешила, сохраняя верность вдове Даниила Марфе. Так что на данный момент Тридевятое царство представляло собой лишь огрызок от себя же самого, растеряв в смуте Черниговское и Галицко-Волынское княжества. Самые сильные и богатые уделы.

Трофим находил весьма примечательным то, что и само Тридевятое царство времен своего рассвета было лишь огрыском от некогда могучего русского царства. У последних поколений плохо получалось не то что приумножать, а даже сберечь наследие предков. И страж знал почему: всему виной забытые заветы да отказ от старой веры в Перуна. Вон теперь каждый в княжеском тереме крестик на груди носит. Трофим тоже нацепил, выделяться в его положении было неразумно, вот только все враги великого Перуна еще пожалеют о том, что отвернулись от учения древнего бога. И он, простой стражник Трофим, тому верная порука.

Властители царства, склонившись над картой, что-то тихо обсуждали промеж собой, до поста у двери ни слова не доносилось, но и так было понятно, о чем идет речь. Дела у Тридевятого царства плохи, это если не использовать словцо покрепче. Степняки высадились на Буяне, стремительно захватывая остров. Мощные стены на узком перешейке не помогли, а флот Буяна где-то оплошал, пропустив высадку. То, что еще недавно казалось невозможным, стало явью — на южных рубежах царства сосредоточивалось огромное войско, и куда они пойдут по весне, было понятно даже юной княгине.

— Да не знаю я, сколько их! — повысив голос, буквально рывкнул боярин Полкан, несменяемый хозяин тайного двора; даже до дверей донеслось. — Только у меня в донесениях пестрят сплошь «нестычисла» да «несчетно». Может, вы думаете, что у меня в соглядатаях сплошь книжники греческие сидят? Много там степняков, очень много.

Полоцкий князь Рогволд сделал боярину замечание, чтобы тот не кричал так громко, и дальше совещание продолжилось полушепотом. Трофим усмехнулся про себя, насколько верно он угадал тему разговора. Впрочем, это уже не первое и не десятое заседание. В последнее время большой совет Тридевятого царства собирался три раза на неделе. Кольван как-то обмолвился, что при покойном батюшке нынешней княжны такие собрания случались не чаще раза в год, да и то встречи те больше походили на пир. Плохи дела в царстве. Белое королевство отхватило солидный кусок, а теперь еще Смоленск осаждает, в Черниговском княжестве самозванный царь куролесит, Буян пал, Кощей выгнал берендеев с их исконных земель, разбойники между собой бьются, деля наследство покойного Кудеяра. Некогда могучее русское государство катится незнамо куда, и это знание наполняло душу стражника горечью. Он любил и свою страну, и свой народ, ненавидел он только заезжих пророков, что новую веру распространяют, да тех, кто слишком уж легко эту иноземную ложь в себя принимает. Подумать только: бог — один! Глупость же несусветная... Издревле известно, что богов множество, и у каждого народа они свои.

Дворовые девки внесли обед для князей. Кушали властители отменно: тут и поросенок, запеченный в яблоках, и щучьи головы, и супы в горшочках... Ну да что правители не доедят,

то и стражникам может перепасть. Должны же быть и светлые стороны в службе? Повара и челядь идут все же ниже княжеской стражи, так что им достанется уже только то, что не доедят стражники. Трофим сглотнул слюну, глядя на княжеские яства, и чуть было не пропустил кое-что *неестественное*. Девки, принесшие обед, быстро скрылись; все, кроме одной, которая так и осталась стоять возле запеченного поросенка.

Страж с интересом наблюдал за служанкой, которая стояла к нему спиной. Ничего необычного в том, что одна осталась, не было: мало ли там что нужно с едой еще сделать... Вот только эта девка слишком уж заметно нервничала, постоянно теребя свою косу. И тут Трофима как окатили холодной водой. В худенькой ручке блеснул нож. Девка стояла так, что нож мог видеть только он; остальные, склонившись над картой, не обращали на девушку никакого внимания. Мягко, по-кошачьи, Трофим двинулся вперед со своего места. Осторожный шаг, еще один... Заговорщица с ножом, казалось, ничего не слышала и не замечала, вцепившись взглядом в трон и то сжимая в кулак, то разжимая побелевшие пальцы на рукояти ножа.

Стражник, аккуратно подобравшись сзади к девушке, сделал выпад рукой и перехватил нож. Неудавшаяся заговорщица от неожиданности вздрогнула и обернулась, уставившись на поймавшего ее человека с нескрываемым гневом и яростью. Трофим даже опешил поначалу, ожидая увидеть испуг, только вместо этого на него смотрели карие глаза, горящие решимостью и ненавистью. Очень красивые глаза, надо заметить. Да и сама заговорщица была страсть как хороша. Трофим даже растерялся немного, но руки не разжал. Неудавшаяся заговорщица ударила поймавшего ее стражника кулачком в грудь. Удар был женский, слабый, так что девушка только сама поцарапалась о неровные кольца кольчуги.

— Ах же ты, проклятый нелюдь!.. — злобно зашипела несостоявшаяся убийца. — Тоже самозваному богу продался! Предатель! Перун тебя еще покарает!..

— Тихо ты, дура... — Трофим нервно осматривался по сторонам: не заметил ли кто.

Князя и бояре все так же склонялись над столом, что-то жарко обсуждая, а вот богатырь Кольван заметил происшествие и уже двинулся выяснить, что случилось.

Никогда еще Трофим не думал с такой скоростью: что же ему сейчас делать? Спасать эту дуру или отдать ее на расправу? Какая она заговорщица, со столовым-то ножом... Таким даже когда захочешь, кого-то зарезать трудно. А тут еще и богатырь на страже. Вот же бестолковое создание! Он-то свое покушение тщательно готовит, да не один, а эта девка думала, что придет сюда с ножичком и все у нее получится? А все же смелости девчонке не занимать, другие вон за печками дрожат, а эта не испугалась. Схватить ее и вывести? Колывану соврать что-нибудь. Ну, допустим, понравилась ему, Трофиму, девчонка — молодая, красивая... Поймет же по-человечески? Наверняка. Но может и отстранить от княжеской стражи. Тогда прахом пойдет весь его план и все старания, а за них уже не один последователь Перуна жизнь свою положил.

А ведь может быть все еще хитрее. Может так оказаться, что это специальная проверка именно для него. Подобрал хозяин тайного двора или даже сам Колыван красотку да подстроил все так, что только Трофим со своего места мог увидеть, как служанка нож достает. А сейчас они делают вид, что вовсе тут ни при чем, а сами пристально наблюдают — как он себя покажет. Его враги хитры, но и он не глупец. Нельзя ему сейчас рисковать и недоверие вызывать, никак нельзя.

Богатырь подошел к вырывающейся служанке, Трофим мимолетом отметил, что стал Колыван очень правильно: и место собрания хорошо видно, и случись чего — от резкого удара сумеет правой рукой отмахнуться. В последнее время однорукий богатырь много тренировался, ему пришлось буквально переучиваться заново с боя одноручным мечом и щитом под полуторный меч. Обрубок левой руки все реже делал рефлекторные движения блока щитом, теперь и нападал и блокировал богатырь одним лишь клинком, а с его силой и ловкостью даже однорукий калека был опасным противником.

— Чего у тебя тут? — Богатырь не смотрел на девуку, ожидая доклада от своего стражника.

— Да ничего такого, — Трофим не решился врать своему начальнику, но попытался все выставить в несерьезном, шутейном виде, — одна дурашка ножиком решила побаловаться. Сейчас я ее выведу, и выпорем на конюшне.

— И зачем тебе нож в княжеских палатах? — Теперь богатырь грозно смотрел на пленницу.

Трофим взмолился про себя: «Скажи: мол, поросенка хотела на ломти порезать или еще что-то такое, только не...»

— Вас хотела зарезать, — бесстрашно выкрикнула богатырю в лицо заговорщица, — изменники, предавшие Перуна!

«Вот же дура!.. Ну какая же глупая... — буквально взвыл про себя Трофим и тут же отметил: — Но какая при этом смелая!..»

— Нас? — Колыван угрожающе усмехнулся. — Это кого же?

Богатырь выуживал из глупышки признание, но она даже не понимала этого. Или ей было уже все равно.

«Скажи, что хотела убить стражника или боярина — и отправляйся в острог. А то и просто плетью бы отделалась...»

— Тебя, их, — заговорщица мотнула головой в сторону стола, — княгиню вашу, предательницу!

«За покушение на великую княгиню — верная смерть, — угрюмо закончил свою мысль стражник. — Зачем она сама себя на казнь обрекает, неужели не понимает?..»

И тут стражник все осознал. Никакая она не дура, и все эта девушка прекрасно понимает. Только не боится она нисколько, специально демонстрируя свое презрение к врагам и изменникам. Девица с вызовом смотрела на стоявшего напротив нее богатыря, а Трофим не мог больше думать ни о чем другом, он только восхищенно смотрел на девушку, не понимая, как он раньше не разглядел — насколько же эта бунтарка прекрасна! Где-то глубоко внутри у стражника все замерло, ничего подобного он не ощущал с тех самых пор, как простой деревенский мальчуган Трофимка увидел боярскую дочку, которую отец взял с собой во время объезда окрестных деревень. Тогда все закончилось плохо, и очень долго ему казалось, что хуже в его жизни уже ничего не будет. Похоже, жизнь решила преподнести ему урок.

Глава 2 СОВЕТ БАЮНОВ

Кот-баюн любил свое семейство: чужих здесь нет, некоторые собравшиеся были одного с ним помета, но если кто-то из них еще хоть раз спросит его!..

— Так когда, ты говоришь, человек есть будем?

Одноухий баюн с выжиданием уставился на главного в этом месте, а ведь это двоюродный брат как-никак. Правда, одноухий особым умом не славился никогда, да и ухо ему откусил волк, когда он попытался того контролировать, еще будучи молодым котенком. Вдвойне глупо: волк — очень трудная цель, он хищник и потому подчиняется с огромным трудом. Нет, опытный баюн вполне мог контролировать и волка, и даже медведя, хотя это и непросто, но не котенок же... И да, волки совсем невкусные, так что глупость одноухий сделал полнейшую.

— Ты пойми, — в который раз приходилось объяснять очевидное, — как только люди начнут пропадать, их примутся искать. Это никогда не проходит незамеченным, особенно если пропадают человеческие детеныши.

— «Без риска жить хотеть — вкусной дитяткой не хрустеть», — заметил другой двоюродный брат, по другой линии, рыжий и толстый. В данном случае он процитировал весьма популярную баюнскую поговорку, которая регулярно приводила баюнов к печальному концу.

— И когда вас найдут, то всех убьют, и я помочь не смогу.

— Человеки глупые, человеки нас не видят.

— Верно, однако у людей есть богатыри, и вот они вас увидят. Здесь, в Киеве, сейчас аж целых три богатыря, и это ваше счастье, что они на охоту не ходят. Я постараюсь вас предупредить заранее, но все же умоляю: будьте осторожны. Как только вас найдут — это будет конец и вам и мне.

— Я не расслышала: когда, он сказал, мы будем есть человек?

Это его тетка, старая кошка, должна была бы поумнеть, но...

— Еще раз повторяю: пока мы лишь прячемся и ждем. Охотиться рядом с богатырями слишком опасно. Я же вам организовал и свининку и баранинку, все свежее. Никто же не голодает. Я прошу подождать еще немного, от богатырей можно избавиться: сколько их уже пало в то время, что я рядом с девчонкой, и отнюдь не без моего участия!

— Это невкусное мясо, — заметила тетька, — детишечки вкуснее.

— Чур, девчонку-правительницу я ем! — тут же встрял одноухий.

— Ничего не ты, я ее занял уже давно! — вскипел рыжий.

На самом деле ни единого звука в пещере, выбранной баюнами в качестве логова, не звучало, все переговоры шли путем обмена мысленными образами и даже иногда запахами. Вот и сейчас у всех на виду возник мысленный образ рыжего баюна, к которому неторопливо пристраивается сзади одноухий с недвусмысленными намерениями. Рыжий, не стерпев обиды, очень по-кошачьи мяукнул и кинулся на обидчика. Оба кота мяукали, шипели, кусали и царапали друг друга.

Баюн взвыл и кинулся к дерущимся; он начал мысленно орать так, что передать особенность его мысленных посылов можно попытаться лишь приблизительно:

— Ты, закрой свою пасть, кому швыряешь, а? На чем шатаешься?! Ты на раз не ответишь, так не участвуй вообще! Не держишь за собой! Я вам обоим сейчас быстро вразумлю!

Ошалевшие от такого мощного потока малопонятных, но явно ругательных мыслеобразов, родственники прекратили свою свару.

— Ты чего?.. — растерянно пролепетал рыжий, выплевывая из пасти шерсть обидчика. — Мы же шутя... Хочешь, сам ешь свою девчонку, мы же с пониманием...

— Ты на кого катишь вообще? — продолжал яриться главный баюн; хоть он и не был тут старшим, но его негласное лидерство признавалось всеми. К тому же он обладал самыми сильными способностями, позволявшими ему иногда забивать посылы других родичей. — Человек ты бесконтрольный, ты сюда смотри, сейчас въявлю тебе. Туда хочешь? Отправлю во всех. Я твою березу шатал, где ты гнездо свой свил!

— Тихо, тихо мой хороший... — сзади подошла мама и нежно лизнула сына языком, — не яришь, мы все поняли. Успокойся. — Мать нежно вылизывала его языком, как в детстве, и он начал успокаиваться, мысли потихоньку приходили в порядок, и ярость улеглась.

— Я же говорю, — снова попытался объяснить он родичам, — нельзя вам сейчас на детенышей людских охотиться, слишком это опасно. Потерпите, пока я от богатырей избавлюсь, и мы людей разводить на корм будем столько, сколько съесть сможем. Об одном я прошу: немного терпения. Это что, так трудно понять?

— Мы все понимаем, мой котик, — нежно мурлыкнула мама, — ты только скажи нам, когда мы человеческих детишек кушать будем, и всё.

Баюн взвился — даже родная мать его не понимает!.. Больше выносить свою родню он не мог, на сегодня хватит. Оставалось надеяться, что никаких глупостей они не успеют сделать, но контролировать их было так трудно, что у него порой опускались лапы.

— Сидите здесь, ждите, — отрезал он решительно, — мясо пришло вечером, носильщики будут мной одурманены и ничего не увидят. *Носильщиков не есть!*

Хорошо хоть родне хватало ума пока не нарушать его прямые указания, только надолго ли... Возможно, они еще пригодятся: там, где он не справится в одиночку, стая поможет. Когда баюн вышел, родичи переглянулись.

— Я не понял до конца, — одноухий нахмурился, — он ответил, когда мы будем человеческих детенышей поедать или нет?

Глава 3 ПАЛАЧ — ТОЖЕ РАБОТА

Первым в подвал спустился стражник в белых доспехах с расправившим крылья орлом на груди. Охранник внимательно оглядел помещение; палач и даже его жертва затихли и молча смотрели на гвардейца. Убедившись, что все в порядке, стражник что-то крикнул наверх, и на верхние ступеньки ступили ноги в дорогих сапогах. Кряхтя и ругаясь, по лестнице спускался сам Сигизмунд, король Белого королевства. Когда-то в прошлом он был знатным воином и статным мужчиной, но сейчас сильно сдал и располнел, так что даже спуск на два десятка ступеней давался ему с трудом. Палач все так же молчал, ожидая, когда властитель изволит к нему обратиться; жертва, висящая на растяжке, тоже молчала; возможно, по причине того, что рот был заткнут кляпом.

Сигизмунд кряхтя плюхнулся на стул и, только отдышавшись, наконец обратился к палачу:

— Ну как ты, Юзеф? Не хвораешь?

— Никак нет, ваше-вашество. — Физиономия палача расплылась в улыбке. — Спина разве что иногда потрескивает, но то от сырости. Да и возраст уже...

— Да, — король грустно нахмурился, — не молодеем. Того и гляди померем, а?

Жертва молча наблюдала за этим диалогом, и только вытаращенные глаза выдавали, что распятый на растяжке мужчина был еще жив.

— Да как можно! — замахал руками тот, кого король назвал Юзефом, — вы еще нас всех переживете, ваше-вашество!..

— Да нет, старый друг. — Король грустно взглянул на палача. — Вчера опять весь вечер кашлял кровью... Ну да что там говорить, все там будем. Кто-то раньше. — Король кивнул на висящее тело, отчего мужчина задергался на дыбе и замычал, но властитель королевства закончил свою мысль, даже не взглянув на жертву: — Кто-то позже.

— Все в руках божьих, — согласился заплечных дел мастер, — все под ним ходим.

— Это да, — вздохнул король, — ну а как дети?

Жертва снова затряслась, пытаясь что-то сказать, но король делал вид, что не замечает этих порывов.

— Очень неплохо, надо сказать. — Юзеф самодовольно улыбнулся. — Старшего хочу по своим стопам пустить, он уже голову курице сносит одним ударом.

— Да ладно, — улыбнулся Сигизмунд, — он же у тебя кроха совсем; сколько ему, пять?

— Седьмой уже!

— Ничего себе, вот время летит... А и верно, семь, он же родился, как раз когда пан Асторский рокош мне при дворе устроил.

— Чего устроил?..

— Подчиниться перестал; не важно, не забивай голову. Я чего пришел-то... Как тут наши подопечные?

Жертва на растяжке снова задергалась, пытаясь что-то мычать сквозь кляп.

— Ну как, — кивнул палач на задрапированный угол, — того не трогал, как вы и сказали.

— А этого? — Сигизмунд впервые взглянул на жертву; мужчина даже как-то сжался под его пристальным взглядом.

— Все как приказали, — доложил палач обстоятельно, — инструменты показал, объяснил, что можно с их помощью сделать.

— И как наш друг это воспринял?

— Вначале в обморок упал, но я его водичкой студеной окатил, так он теперь старательно слушает. Внимает!

— С пониманием, стало быть, попался, — обрадованно кивнул король, — это хорошо!

Мужчина снова задержался, пытаясь кивать и мычать через кляп. Хотя слов не разобрать, но жестикуляцию и мычание можно было трактовать недвусмысленно. Жертва уверяла, что он не просто с пониманием, а и вовсе пожелай король, нет, его величество король, найти кого-то с бóльшим пониманием во всей земле — так и не смог бы отыскать такого. Вот с каким пониманием!

— Так скажи мне, дорогой пан Стефан, — король ласково взглянул на жертву, — где мои требушеты?

Жертва взвыла и задержалась, пытаясь что-то объяснить, но сквозь кляп проходило только маловразумительное мычание.

— Да мало ли кто чего думал, — нахмурился король, — требушеты я тебе доверил, а теперь их нет. В болотах так увязли, что и не достать. Так или не так?

Жертва дернулась, поникнув, и промычала что-то односложное.

— Вот только не думай, что твой король какой-то глупец, — обиженно произнес Сигизмунд, — я же понимаю, в какой ситуации ты оказался. Я с войском под Смоленском, ты идешь по дороге, из охраны — пять десятков человек. И тут узнаешь, что как раз в этих краях появился сильный отряд Ильи Муромца. А у Муромца, между прочим, тысяч шесть конницы.

Жертва согласно замычала.

— И что же тебе делать? Оставаться на дороге опасно, очень уж заметный твой обоз. Лакомый кусочек для налета врага. И ты решил врага перехитрить, верно?

Король дождался очередного согласного мычания и продолжил.

— А поскольку местности ты не знаешь, выбрал самого страшного из разбойников, чтобы проводил. Решив, что раз че-

ловец разбойник, то он враг русскому государству, а значит, тебе поможет.

Мужчина на дыбе быстро замотал головой и замычал, отчаянно выражая свое несогласие.

— Да-да, — поправился Сигизмунд, — не разбойника, а бунтовщика. — Жертва согласно замычала.

— Надо сказать, задумка не такая уж и дурная, — почесал бороду король, — но видишь ли, мой дорогой пан Стефан, эти русские — они совсем не похожи на тех лубочных русичей, которых вы там изучали у себя в университете. Нет, серьезно: сидите там у себя на кафедре, читаете сказки местные, фольклор разный и думаете, что поняли русских. Глупцы высокоумудрые...

Жертва снова съежилась под взглядом короля.

— Хочешь, я тебе расскажу про свою самую первую встречу с русскими?

Шляхтич что-то промычал сквозь кляп, и король тут же истолковал это как согласие.

— Я тогда совсем еще молодой был: мальчишка, чего уж там. Отец меня взял поглядеть на войну. Войны, конечно, не было настоящей, скорее набег. Русские купцы наших выжили с богатого торгового тракта из Царьграда, надо было как-то показать наше недовольство. Вышли мы на тракт и тут же взяли богатый караван в копыя. Купцов поубивали и освободили подневольных рабочих, что за гроши тащили на себе тяжелые грузы. И вот один из этих работников подходит к сотнику отцовскому и говорит: так, мол, и так, пан-боярин, дай серебряную монету, и я тебе покажу, где еще один караван стоит, богаче этого.

Король взял с пола какой-то брусок и легонько ткнул висящего человека в бок.

— Следишь за мыслью?

Вслушавшись в мычание жертвы и, судя по всему, удовлетворившись ответом, король продолжил:

— Так вот, дали мы ему серебра и пошли следом. И тут вдруг стрела: бах! — и сотнику прямо в глаз. А следом еще десяток стрел. Трех ратников наповал, остальные отвернули и побежали. В засаду нас завел, поганец. Сходство улавливаешь, а?

Привязанный к дыбе пан снова что-то энергично замычал.

— Но я на самом-то деле не о том тебе сказать хочу; на любой войне попадают в засады, всегда можно нарваться на фанатика, который жизни своей не пожалеет, чтобы тебя убить. Или героем стать захочет. Это в любых местах бывает, и Русь тут не исключение. Меня знаешь, что в той ситуации поразило?

Шляхтич снова что-то промышчал сквозь кляп.

— Да прекрати мне поддакивать, — рассердился король, — откуда ты можешь знать, если я про это еще не рассказывал! Вот слушай и на ус мотай, а то в университете своем сказки да песни изучаете, а толком ничего не знаете, что я в первом же набеге понял. Мужик этот, что в засаду нас завел, улизнул, как обстрел начался. Стражника, что его стерег, убили, а другие свою жизнь спасали, так что побег шельмец в суматохе. Я думал, его наградят: ну как же — врага в засаду завел! А его, ты не поверишь, — высекли прилюдно. Он в караван носильщиком нанялся, оказывается, супротив воли князя, который это не разрешал. Вот за то и высекли, чтобы не нарушал княжеские указы. Ну а то, что в засаду завел, оно и так понятно. Любой бы на его месте так же поступил. Понимаешь, как этот народ устроен?

Король поднялся с места и наконец вытащил кляп изо рта жертвы.

— Я все понял... — прошептал тот, с трудом ворочая языком, — простите меня, мой король!..

— Я, конечно, тоже виноват, — Сигизмунд дал команду палачу развязать путы, что связывали жертву, — бросил тебя с недостаточной охраной. Но ведь не со зла и не по глупости, а от неведения. Откуда я мог знать, что Муромец тайно собирает силы именно здесь? Он нам очень много крови попортил; я тебе по секрету скажу — он сына Бронислава убил.

— Ох... — только и мог произнести пан Стефан, разминая затекшие руки.

— Вот только не думай, что твоей вины вовсе и нет, — нахмурился король, — я тебе требушеты доверил? Тебе. А ты их не уберег. Так что спрос с тебя никуда не делся.

Ученый муж весь смешался после этих слов; он снова с опаской взглянул на палача, и тот, поймав его взгляд, лучезарно улыбнулся в ответ, чем напугал шляхтича еще больше.

— Не пугайся пока, — похлопал король недавнюю жертву по плечу, — я строг, но справедлив. Даю тебе шанс искупить свою вину, так что не подведи. Все, иди пока, позже придумаю тебе дело! Прими пока ванну, а то воняет от тебя, как от козла.

Дождавшись, когда стонущий и охающий ученый муж вышел, палач спросил с интересом:

— Может, стоило разок железом прижечь? Ну чтобы лучше понял.

— Да он и так напуган до смерти, — усмехнулся Сигизмунд, — сразу видно, книжник. Книжники читают много своих свитков да рукописей и считают, что на основании этого они знают жизнь. А если уж какую бумагу в своих университетах получают, то всё... чуть ли не лопаются от самолюбования. При этом, как правило, существа поверхностные, облапошить их проще простого, чем часто пройдохи и пользуются. Зачем такие в государстве вообще нужны? — пожал плечами заплечных дел мастер. — Не понимаю.

— Не скажи, — весело усмехнулся король, — к примеру, соберешь таких штук сто или тыщу. Они сидят, что-то там обсуждают в своих университетах, спорят до посинения. И со стороны кажется, что пользы от них ну решительно никакой. Только добро государево тратят. И вот когда уже совсем махнешь на них рукой, один из них придет к тебе и скажет: «Я тут такое устройство придумал... если вот такую штуку соединить с такой вот финтифлюшиной, а здесь натянуть и сжать в пружину... вот такая штука будет убивать врагов в десять раз лучше, чем та, что есть у вас сейчас». Или способ придумают, как делать броню крепче или корабли быстрее... И вот тут окрестные короли, которые своих таких же книжников да ученых не завели, начинают об этом очень крупно жалеть. Так что есть и от книжников польза, есть.

Король подошел к огороженной части подвала и отдернул штору. Взору государя и палача предстала еще одна жертва, но вот этот мужчина был связан уже на совесть: три десятка цепей сковывали руки и ноги жертвы, не считая многочисленных веревок.

— А этот как? — поинтересовался король.

— Презрительно молчит, — нахмурился Юзеф, — я бы его разговорил, но вы сами приказали ждать вас.

— Это верно, это хорошо... — задумчиво пробормотал король, явно думая о чем-то другом, — вот говорят, что хороший специалист свою работу любить должен. Так бывает, знаешь, работа — в радость. А я вот считаю, что работа — не для радости. Палач, который любит свою работу, — плохой палач.

— Зачем тогда Янека держите? — Юзеф взглянул на короля обиженно и с легкой долей ревности. — Он же любит людей мучить.

— Янек, брат мой, это не работа, — грустно усмехнулся Сигизмунд. — Янек — это кара! Он, конечно, порой... перегибает палку.

— Да он просто бешеный зверь, — пожаловался Юзеф, — и абсолютно безумный! Я должен быть королевским палачом, а не этот мясник.

— Янеку я отдаю тех, кто должен почувствовать на себе мою ярость, — отрезал Сигизмунд, показывая, что эта тема с соперничеством палачей его сейчас не интересует, — а тебе достается сложная работа, которую тупому мяснику не доверишь. Когда мне нужно кого-то покарать — я отдаю его Янеку, когда мне нужно что-то узнать или в чем-то кого-то убедить — тут ты мне верный помощник. Так что не ворчи, эта работа будет потруднее остальных. Знаешь, кто это?

— Судя по цепям, богатырь, — попытался угадать палач.

— Верно, богатырь. Ставр его зовут. Они вдвоем вышли против моего войска, он и Микула. Про Микулу-то слышал небось?

— Кто про него не слышал... очень старый и сильный богатырь.

— Да. Был. Видишь ли, мой дорогой Юзеф: вдруг во время боя Микула этот стал как обычный человек. Ушла куда-то его богатырская сила, словно и не было.

— Разве так бывает?

— Вот и я думал, что не бывает. Понимаешь теперь свою задачу? Мне позарез нужно понять, как так получилось. Задача государственной важности. Вызнаешь для меня этот секрет, тогда и о должности королевского палача можно будет поговорить.

— А он хотя бы боль чувствует? — засомневался Юзеф. — никогда еще не работал с богатырями.

— Еще как они чувствуют, только болевой порог у них совсем иной. Ты все же осторожно действуй: слышал я, что в Киеве недавно один из богатырей от ран помер. Там ему, правда, сердце пробили насквозь, раз десять. Но ты все равно будь осторожнее. Торопить тебя не буду, сам понимаю: орешек твердый. Если я помру раньше, чем ты что-то узнаешь, — Брониславу доложи, он поймет.

— По дереву постучите, — посоветовал палач, — сплюньте через плечо.

— Да умру я скоро, — отмахнулся Сигизмунд, — это не новость. Знал бы ты, Юзеф, какой гадюшник после меня останется... Как бы прямо на похоронах моих друг другу в глотку не вцепились. Ну да ничего, эту войну я еще выиграю, еще должен успеть. А ты работай, не спеши. Если мы сможем русских богатырей силы лишать, это будет мой подарок нашим потомкам.

Палач поднялся и посмотрел на свою жертву; и богатырь смотрел на будущего мучителя: спокойно и уверенно, без капли страха.

— Будет непросто, — вздохнул заплечных дел мастер, — но мы еще посмотрим, кто кого.

Глава 4

НЕОТПРАВЛЕННЫЕ ПИСЬМА

Ратибор приближался к твердыне Святогора неспешно, постоянно оглядываясь и даже порой подумывая о том, чтобы повернуть обратно. Задание, данное ему Марьей Искусницей, казалось простым, всего-то передать богатырю несколько старых писем, вот только любопытный посланник письма эти прочитал. А прочтя их, сразу понял, почему Вольга чуть не взбунтовался, противясь тому, чтобы передавать эти письма Святогору. Богатырь-оборотник даже кричал на Марью, что было событием настолько из ряда вон выходящим, что другого подобного случая Ратибор и припомнить не мог, хотя служил при Марье уже третий десяток лет. Сапоги-скороходы, конечно, на нем, но вот спасут ли они... Кто знает, как поступит старый богатырь, когда узнает правду?

Сам Ратибор был согласен с Вольгой: показывать эти письма нельзя. Вот только Марья утверждала, что четко знает, что делает, а эта лиса думает вперед не на день или два и действия свои продумывает хорошо. Поэтому и плелся посланник Китеж-града, понуро приближаясь к твердыне.

Над крепостью стояла какая-то зловещая тишина. Казалось, что даже птицы затихли. Неужели кто-то смог взять неприступную твердыню? Защитников в крепости было немного, три десятка человек, не больше. Но крепчайшие стены и крутые скалы позволяли легко удерживать крепость хоть против тысячекратно превосходящего врага. Что, кстати, и случилось несколько раз, в былые времена. В этот раз ворота были открыты, часовых на стенах и башнях не видать. Что-то здесь не так... Ратибор, не раз бывавший в твердыне, поежился. Перехватив поудобней шапку-невидимку, китежградец шагнул за ворота. Двор тоже был пуст, лишь в углу, возле груды камней, сидел какой-то человек с окладистой бородой и в окровавленных повязках.

Ратибор внимательно осматривал незнакомца, а тот столь же внимательно глядел на него.

— Добрый день, — поздоровался посланник, медленно двигаясь вперед.

— Не очень, — с сильным горским акцентом отозвался раненый.

— А где все?

Забинтованный человек устало кивнул на груды камней.

— Тут.

На какое-то время Ратибор онемел, только сейчас он понял, что куча камней — это импровизированный курган. И если незнакомец не шутит, а этот мужчина, пожилой и серьезный, на шутника не походил, то всех обитателей крепости убили.

— Кто?

— Святогор говорит — бука.

— Сам-то хозяин жив?

— Не знаю, можно ли это так назвать, — неопределенно ответил горец и снова закрыл глаза. Видно было, что он еще очень слаб и раны дают о себе знать.

— Как же богатырь это допустил?

— Его отвлекли... — помедлил немного горец и нехотя добавил: — Я отвлек.

Марья говорила, что царь был убит, но о том, что чудовище уничтожило всех в крепости, не упомянула. Ратибору сделалось совсем неудобно, захотелось поскорее передать эти проклятые письма владельцу крепости и убраться отсюда как можно дальше. От всей этой ауры смерти, горя и уныния. Пора было выяснить, где богатырь, отдать послание и уходить.

— А где он сам?

Горец неопределенно мотнул головой в сторону входа в главный зал. Ратибор открыл дверь и погрузился в полумрак. Света нет, воздух спертый, в углу сидит гигантская фигура, постоянно тихо то ли рыча, то ли хрипя.

— Святогор, — позвал китежградский посланник.

Гигантская фигура в углу затихла и подняла на него взгляд. Два ярких, горящих во тьме красных глаза с длинными черными вертикальными зрачками, как у кошки или змеи. Глаза хищника. Ратибору стало по-настоящему страшно, он хоть и немало повидал на своем веку и многие чудеса видел, но чудеса эти были в основном рукотворные. А тут в нескольких шагах от него сидело *нечто*. И это существо было очень зло и смертельно опасно. Все инстинкты кричали об одном — бежать, бежать отсюда как можно быстрее! И все же Ратибор переборол себя, хоть это было и непросто. Как ни в чем не бывало, стараясь, чтобы голос предательски не задрожал, посланник Китежа произнес:

— У меня послание от Марьи.

Существо гулко ухнуло. Голос, раздавшийся из угла, был глухой, но все же без сомнения принадлежал самому Святогору:

— Не бойся, я себя пока контролирую. Что у тебя за послание?

— Письма. — Ратибор достал из сумки связку писем и протянул вперед. — Я зажгу свет; где тут факел или лучина?..

— Нет! — крик из угла раздался излишне резко. — Не надо.

Посланник замер с протянутой рукой, в которой сжимал несколько грамот, свернутых в свитки. Как же можно читать письма в темноте?

— Я теперь и в ночи все хорошо вижу. — в хриплом голосе звучала ирония; рука, которая протянулась за письмами, тоже была *нечеловеческая*, с длинными когтями и чешуей.

Ратибор тут же отдернул свою руку, испугавшись, чем вызвал очередной смешок-уханье хозяина твердыни. Не желая выказывать страха, китежградец снова собрался с духом и задал вопрос, который напрашивался уже давно:

— Так проходит превращение в черного богатыря?

— Не дождутся!.. — прорычал богатырь и, немного помедлив, развернул первый свиток.

Содержимое Ратибор прочел еще до визита в крепость, вопреки распоряжениям Марьи. На листе бумаги, покрытом замысловатой вязью, в которой буквы походили на чудесных птиц и славянские орнаменты, которой умел писать только один человек во всем царстве — Финист Ясный Сокол, было начертано:

«Мой государь.

Спешу донести до Вас вести, которые сам я нахожу весьма дурными. Вчера вечером ко мне в палатку зашли двое князей: Роман Галицкий и Святослав Черниговский. Разговор был вроде бы ни о чем, но я сумел понять, что оные князья пытались прощупать, возможно ли вовлечь меня в некий заговор, сути которого я пока не понимаю и который представляется мне весьма опасным, учитывая, какие люди в нем состоят. Я ответил неопределенно, пытаюсь вызнать подробности, но князья весьма умны и ни на один из моих вопросов не ответили прямо. Роман Галицкий лишь смотрел грозно и изучающе, а Святослав пытался представить все как шутку. В меру своих сил и возможностей я прикинулся простаком, так что пока не могу сказать точно, удалось ли мне произвести впечатление на моих собеседников. Галичане и черниговцы традиционно не ладят, так что действовать сообща их может заставить только какая-то весьма веская причина.

Особое беспокойство вызвала у меня фраза черниговского князя, когда он меня спросил, кому я буду служить, если *вдруг* царь наш батюшка помрет. Сделав лицо как можно глупее и прилежнее, я ответил, что буду и впредь служить Руси нашей матушке и тем, кто ее представляет в столице. Два князя после этого переглянулись и вскорости распрощались со мной. Воз-

можно, это не последний наш разговор, но я спешу донести его до внимания Вашего Величества как можно скорее.

Уже к вечеру я склонился над картой, и то, что еще недавно казалось странным и необычным, стало обретать зловещие очертания. Месяц назад у селения Ракитовка мы дали бой отряду степняков из третьего тумена. Несмотря на то что я сумел заманить супротивника в ловко организованную засаду, черниговский полк не успел вовремя, что послужило причиной как того, что враг сумел отступить, так и больших потерь в моем первом полку. А две недели назад галицкие полки подошли из тыла и встали у меня за спиной, в одном дневном переходе. Вроде бы ничего необычного, но теперь за спиной, на западе, у меня два галицких полка, а с севера — три черниговских и один переяславский. Пять полков супротив моей дружины — почти втрое больше. Все мои просьбы о помощи в борьбе со степняками князя или игнорируют, или выполняют так, что остается только пожалеть, что попросил. Еще недавно я полагал, что все дело в том, что властители княжеств не хотят нести потери в своих воинствах, но сейчас я больше склоняюсь к мысли, что силы собираются совсем не для этого. На подходе смоленский и туровский полки: не знаю пока, вовлечены ли эти княжества в заговор; по прибытии этих войск будет яснее.

В конце своего письма еще раз спешу напомнить о страшной нехватке зерна в дружине: я уже урезал дневную норму хлеба. Не для себя прошу, а за ратников своих: голодный воин степняка не одолеет, степняк сейчас уже не тот, что раньше: хоть и награбили да сбежать пытаются, но все равно войско у Тугарина Змея отменное. Так что каждая сеча проходит тяжело, без больших потерь одолеть вражину никак не выходит.

Ваш верный воевода *Финист Ясный Сокол*».

— Зачем мне это? — хмыкнул Святогор, — даже противно читать этого предателя! Хлеба ему мало, видишь ли... Я и так знаю, чем все кончится. Заговор состоится, Финист его возглавит, царя убьют.

— Все не так просто, — вздохнул Ратибор, — прочти остальные письма. Ты же видишь эту вязь, никто так, кроме него, писать не мог и не может.

— Ну-ну... — недоверчиво хмыкнул богатырь, но второе письмо все же развернул.

«Мой государь.

На свое предыдущее послание я так и не дождался ответа, чем несказанно опечален, а меж тем события набирают оборот. Подошли подкрепления из Турова, Смоленска и даже Великого Новгорода. Однако в схватках с врагом никто из них участвовать не спешит, сейчас против всего степного воинства стоит только один полк моей дружины под командованием воеводы Кощея. Нас спасает только то, что кочевники, взяв богатую добычу, не спешат наступать. Даже думать боюсь, что стало бы с нами, будь степняк, как в начале набега, голодный и злой. Впрочем, воинство степи сейчас не главная проблема, набег, очевидно, подходит к концу: по докладам разведки, сам Тугарин Змей уже вернулся в родные края. Главная наша проблема — это заговор, который зреет в княжеских дружинах. Продолжения недавнего разговора с князьями Святославом и Романом не было: видно, прикинуться простаком у меня не вышло. Или князья оказались куда проницательнее, чем я мог предполагать.

Вчера познакомился с наследником Галицко-Волынского князя, княжичем Даниилом, который, признаюсь, произвел на меня впечатление, причем самое неприятное. Юноша, безусловно, умен и на фоне своего невоздержанного в гневе отца выглядит выигрышно, однако какая-то нереальная холодность сквозит в каждом его действии. Безусловно, он один из участников заговора, дважды он пытался переманить моих сотников. Молю Вас, государь, не медлите. Заговор еще можно подавить. Мыслию я так, что надобно нам собрать два или три небольших отряда с богатырями во главе и немедленно взять под стражу галицкого и черниговского князей — галицкого князя непременно с сыном, а также новгородского тысячника Ермила.

Участие в заговоре остальных князей мне неизвестно, но стоит исходить из наилучшего варианта. На одного верного Вашему Величеству ратника бунтовщики смогут выставить не меньше троих, а то и пятерых своих. Действовать нужно быстро, ибо промедление в таком деле смерти подобно.

Смирненно ожидающий ответа,

Ваш верный воевода *Финист Ясный Сокол*».

В этот раз богатырь молчал долго. Лишь тяжелое дыхание слышалось из темного угла.

— Не сходится, — наконец отозвался Святогор, — если Финист Ясный Сокол не состоял в заговоре, то почему после смерти царя он оказался на троне? И еще: как так вышло, что царь не внял предупреждениям и почему он не пытался что-то предпринять? Почему царь Василий отправился в Галицко-Волынское княжество, если Финист его в письме прямо предупреждает, что князь Роман Галицкий — заговорщик? Нет, тут что-то не так.

— Почему Финист оказался на троне — то мне неизвестно, — вздохнул Ратибор, — я в те времена был слишком молод, а вот на остальные вопросы ответит следующее письмо.

Посланнику Марьи Искусницы захотелось отбежать куда-нибудь подальше, потому как третье и последнее письмо Финиста было самым опасным. Вольга требовал, чтобы его не показывали Святогору, достаточно и первых двух, но Марья настояла. Читавший письмо Ратибор был согласен с богатырем-оборотником: последнюю весть надо было оставить у себя. Кто знает, как поведет себя старый богатырь, когда узнает часть нелицеприятной правды...

Богатырь, снова недоверчиво хмыкнув, развернул третье послание и принялся читать. Красные глаза с вертикальными зрачками горели во тьме ярко, отбрасывая алые блики на бумагу.

«Мой государь!

Уже третье послание пишу я Вам, но никакого ответа не получаю. Вольга, с которым я отправляю свои письма, утверждает, что Ваше Величество не удостоивает меня ответом, отмахиваясь от моих предостережений. Никак не могу допустить, что богатырь лжет, однако уверяю Вас, мой государь, что опасность более чем реальна. Как воевода воинства Русского царства два дня назад я отдал приказ волынскому полку занять южную дорогу, намереваясь устроить засаду отходящим войскам Великой степи. Однако княжеский полк и не вздумал двинуться с места. На все мои приказы ответ был один — овса нет и гнать лошадей нет никакой возможности. И это несмотря на то, что я точно знаю — со снабжением у галицко-волынского воинства все не просто хорошо, а великолепно. И овса у них

в запасе на десяток больших маршей. Князя демонстративно не желают гнать степняков с нашей земли и чего-то ждут. Но это еще не самое плохое. Прибывший из столицы воевода князь Глеб, который возглавил второй полк моей дружины, тоже вышел из подчинения. Открыто дерзит мне, так что я подозреваю, что и он замешан в заговоре. Я знаю, что Глеб родственник вашей дражайшей супруги, и все же войско, где нет подчинения, это уже не войско...»

— Это не тот ли Глеб, что сейчас в Новгороде воеводой? — прервал свое чтение богатырь.

— Он самый.

— Тоже заговорщик?

— Самое забавное, что нет. Здесь Финист ошибся. У нашего дражайшего князя просто дурной и вздорный характер. В заговоре он не участвовал и после смерти царя отправился напрямик в опалу. Но воевода этого не знал, а потому предполагал худшее.

— Неудивительно, — богатырь угрюмо хмыкнул, — изменник на изменнике сидит да изменником погоняет. Взгляд горящих красных глаз снова уставился в бумагу.

«...и все же, если действовать решительно, заговор еще можно подавить. По крайней мере, один верный полк у нас точно есть. Мой авторитет как воеводы распространяется даже на княжеские войска. Если решительно взять под стражу верхушку заговора, простые ратники могут остаться верными трону. Только умоляю, не посылайте обычную стражу. У каждого князя найдется немало верных людей, чтобы легко отбиться от подобных отрядов. Необходимы богатыри: все, какие есть. Мой государь, молю Вас не медлить, ибо промедление смерти подобно. Посылаю свое послание с Вольгой, так что перехватить его враг не сможет.

Всегда Ваш верный воевода *Финист Ясный Сокол*».

Какое-то время Святогор молчал, из угла раздавались лишь звуки шумного дыхания. Потом вдруг резким выпадом богатырь нанес сильнейший удар в стену кулаком, так что заходила ходуном вся крепость. Богатырь прокричал лишь одно слово:

— Вольга!

Гигантская фигура поднялась из угла, захватив по пути свой огромный меч. Богатырь вышел в боковую дверь, только бросив по пути Ратибору:

— Жди здесь.

Сказать по правде, китежградцу очень уж хотелось исчезнуть поскорее из этого места, настолько сильно провонявшего смертью и отчаянием. Да и то, во что превращался богатырь, его пугало. Он снова вспомнил когтистую лапу и красные глаза с вертикальными зрачками. Ратибор прекрасно понимал, почему Вольга так не хотел, чтобы эти письма попали в руки Святогора, почему оборотник так возражал. Следующая встреча богатырей обещала быть очень непростой. На самом деле Ратибор прекрасно знал, почему Марья Искусница не хотела, чтобы письма воеводы попали к царю. Она была убеждена, что единоличную власть царя необходимо ограничить, после царствования Дабога она еще больше в этом уверилась, так что наличие заговора было ей на руку, а возвышение безвестного воеводы Финиста в ее планы вовсе не входило. Вот только убийство царя спутало все планы хитрой интриганки, и тогда Ратибор впервые увидел, как Марья растерялась. Растерялась настолько, что спрятала Китеж от посторонних глаз, продолжая действовать из тени.

Через непродолжительное время дверь горницы открылась, гигант спокойно вышел на свет в ярко горящей кольчуге из звездного металла. Святогор выглядел необычно, он как будто даже помолодел, сказывалось отсутствие длинной бороды, которая раньше доставала до пояса. Сейчас же у богатыря бороды вовсе не было, щеки и подбородок покрывала лишь легкая щетина. Никаких когтей, клыков и красных глаз больше не наблюдалось: наоборот, древний воитель выглядел бодро и подтянуто. Если не знать, что это легендарный богатырь, которому уже больше тысячи лет, казалось, что перед тобой мужчина в годах, но еще крепкий, разменявший самое большее пятый или шестой десяток.

Богатырь проверил, как сидит доспех, вынул из ножен и тут же вогнал обратно свой кладенец и двинулся вперед.

— Сколько лет живу, а ума так и не нажил... — вздохнул хозяин крепости. — Пусть я плохо думал о Финисте и оказался к

нему несправедлив, что поправить уже не могу, да вот только у него еще осталась внучка и ей может быть нужна моя помощь!

Ратибор в очередной раз поразился, как хорошо Марья разбирается в людях. Все случилось именно так, как она и предсказала. Все шло по ее плану.

Глава 5

БЕГ

Флот острова Буяна приближался к столице, словно стая побитых собак. Слухи о прорыве степного воинства опережали даже корабли, идущие на веслах с самой большой скоростью, которую могли выжать из себя усталые гребцы. С берега люди кричали оскорбления и призывали на головы моряков всевозможные несчастья. Что уж говорить, заслужили. Настроение на флоте царило подавленное; войск, чтобы сдерживать степняков, на острове нет. Коль уж не удержали побережье, то... о дальнейшем думать не хотелось. Не хотелось, но думалось, потому как каждый моряк понимал, что где-то прямо сейчас дикарь насилует его мать или любимую, убивает отца или брата. И остановить их нет никакой возможности. А виновен во всем получается именно флот, заслуженная гордость, щит славного Буяна. И вот сейчас этот щит, всегда казавшийся таким надежным и крепким, треснул и валяется у ног, брошенный и бесполезный.

Соловей Будимирович сам ходил смурнее тучи, все время он искал ответ на вопрос: что можно сделать? — и все яснее понимал, что сделать уже нельзя ничего. Остров пал, всех жителей убьют или угонят в рабство. Оставалось одно — бежать. Спасать тех, кого еще можно спасти, и бежать. Благо у врага нет кораблей для преследования беглецов. В изгнании тоже можно жить. Вон берендеи сколько лет жили в изгнании... Степняки же не заселят их землю. Пограбят, пожгут и уйдут к себе обратно в степь. Но вот сколько народу можно взять на корабли, чтобы спасти? Дай бог, одного из сотни.

В порту стояла непривычная тишина, пост стражи у пирса сиротливо опустел. Никто не вышел встречать флагман, вернувшийся из похода. Флотоводец сошел по трапу на землю,

озабоченно оглядываясь. Не могли же степняки за такое короткое время дойти до столицы? Херсонес не был сильно укреплен, издавна полагаясь на мощь своего флота, но все же какая-никакая стража в нем была, с налета не возьмешь. А переправить большое войско и собрать его для похода — это дело не такое быстрое, особенно если отвлекаться на грабеж каждого встреченного поселения.

В доме начальника порта свет горел, так что Соловей Будимирович направился прямо туда; портовый старшина Илья был его старым приятелем, у него можно будет узнать все новости. До столицы корабли шли два дня, вряд ли за это время успело что-то серьезное произойти, и все же сердце щемило.

В главном здании порта царил полнейший разгром, на полу валялись бумаги, грамоты, свитки и пустые амфоры из-под вина. Сам портовый старшина нашелся в углу; Илья лежал под лавкой и был сильно пьян. Разбудить портового начальника составило немалых трудов, но после десятка крепких затрецин тот открыл глаза.

— О! — Илья ткнул пальцем в грудь флотоводца и без всяких предисловий тут же выпалил: — Ты во всем виноват!

— Что происходит в городе? — не стал вступать в спор Соловей Будимирович.

— В гроррраде пррроисходит, — выпивоха еле ворочал языком, слова давались ему с трудом, особенно согласные в них, — полная черрторрроввня.

— Чертовщина?

— Не, — мотнул головой собеседник, — тут просто все-э-эх скоррро перрребьют.

— И ты потому напился?

— А ччто-о делать-то й-й-йеещо... Мне жжжена не раззрреашала пить, а ххххотелось. Вот я и...

— В столице хоть какой-то порядок остался? — нахмурился флотоводец.

— Кккконечно, — снова кивнул Илья, — стррража не пьет. Они даже ддраться собббирраются. Только их все ррраввно перрребьют.

— А ты тут будешь пьяным валяться?

— Никккогда. Я к тттому вррреммени уже будду трррезв. Как эти... как их...

Портовый начальник вдруг поднял мутный взгляд на моряка.

— Возьми меня с собой. А?

— Куда?

— Дда куда уггодно. Тут все рравно убббуют. А там, может, и нет.

Пьяница махнул рукой куда-то вдаль, показывая, где, по его мнению, находится это самое «там».

— Ты нне думай. Я запплачу, золотом. Знаешь же, что у меня есть. Три дочки у меня, и жена, и я. Возьми меня с собой, когда будешь уплывать; я тебя не обижу.

Язык у Ильи, когда он начал говорить о семье, как-то сам собой перестал заплетаться, даже взгляд стал почти трезвый.

— Обещать не буду, — буркнул Соловей, — мне надо с архипастырем Еремой переговорить; что еще он скажет.

Портовый начальник рассмеялся. Язык его снова стал заплетаться, как и раньше:

— Ддурак ты человек. У тебя кккоррабли. Ты теперь главный, а архипастырь — тьфу и рррастереть. Тебе рррешать, кто будет жжжить, а кто — умирррать.

Внешняя стена порта находилась буквально в осаде. Слухи о том, что корабли вернулись, быстро облетели город. Тысячи людей молили взять их с собой, плакали, угрожали, обещали золотые горы. Соловей Будимирович взял с собой десять дюжих матросов, чтобы пробивать себе дорогу через толпу. Слова Ильи никак не шли у него из головы. Испокон веков на Буяне так повелось, что власть принадлежала не гражданским властям, а церковным. Архипастырь и договоры заключал, и законы писал, да и суд вершил, где надо. И флот, и стража, и торговцы, и суды — все подчинялись церковному владыке. Взять все в свои руки? Нет, здесь вам не разбойничья шайка, где без атамана каждый сам за себя. Он, Соловей Будимирович — часть гордого флота славного острова Буяна, а для флотских честь — не пустой звук. И в изгнании люди живут. Живут мыслью о том, чтобы вернуться.

Надо послушать, что скажет архипастырь Ерема, у него наверняка уже и план разработан, надо только пробиться до холма, где стоит главный собор. Толпа поддавалась неохотно, но

здоровенные моряки, орудуя локтями и коленями, прокладывали путь сквозь толпу. Со всех сторон раздавались плач, мольбы и проклятия. Слушать их было тяжело, но назвать их несправедливыми язык не поворачивался. Что уж говорить: именно флот пропустил врага на остров. Наконец толпа оказалась позади, охрана проложила себе путь сквозь сгрудившихся отчаявшихся людей, стариков и матерей, потрясающих маленькими детьми в руках и умоляющих взять с собой. Настроение у мореходов было подавленное, даже величественное здание собора Апостола Андрея не внушало обычного благоговения.

В соборе тихо, разве что нищих возле лестницы не видеть, да и прихожан совсем не так много. Казалось бы, вот она, беда, на пороге: у кого человеку искать спасения, у бога или у флота? Горожане осаждают порт, а в храме почти никого. Сам флотоводец был человеком верующим, но все же не истово. Праздники справлял вместе со всеми, архипастырю служил верой и правдой, но при выборе того, чем обращаться к супостату — словом божьим или камнем из баллисты, — всегда выбирал надежный камень. Охрану Соловей оставил у входа, в храм к архипастырю пошел один. Кто его знает, какотреагирует владыка на провал, осерчает, поди. Подчиненным этого видеть не следует.

Вопреки ожиданию, Ерема не осерчал. Владыка тихо молился перед иконой богородицы, осеняя себя крестным знаменем.

— Вернулся? — только и поинтересовался он.

Флотоводец поцеловал протянутый перстень и поклонился.

— Прощения прошу, не сдержали врага, оплошали.

— Знаю. Сон третьего дня видел. Собака на берегу лаяла на чайку, которая по морю плыла. Большая собака, злая, грязная. А потом как бросится в воду и схватила чайку за крыло. Птица вырывалась, пыталась собаку клюнуть, да куда там.

— Загрызла птицу?

— Загрызла, — вздохнул Ерема, — вот только из-под чайки птенец упорхнул, собака пыталась и его схватить, да только впустую зубами щелкнула в воздухе. Упорхнул тот птенец.

— И куда же он упорхнул?

— На волю, — улыбнулся архипастырь, — а раз птенец упорхнул, значит, еще не конец.

Владыка вдруг нахмурился и стал серьезен.

— Ты на меня больше время не трать. У тебя теперь задача трудная: спасай то, что осталось, собирай на корабли всё: казну, людей, творения искусства. Спасай все что можешь. Беги.

— Куда? В Царьград?

— Нет, про великий город я другой сон видел, туда не ходи. На Русь плывите, вот куда.

— Там же язычники, — опешил флотоводец, — чем они лучше степняков?

— Говорю тебе, на Русь беги, там наше будущее, только там, и нигде более. Собирай все что можно — и туда. Вот тебе мое на то благословение.

— А вы, владыка, как же вы?

— Я свое пожил, стар я уже бежать. Тут помру, тут место хорошее, намоленное. А вы бегите. Вот тебе печать моя: если кто супротив будет выступать, ты ему печать покажи. Ты теперь главный.

Разговаривать дальше архипастырь отказался, он буквально выгнал флотоводца из кельи, вернувшись затем к своей молитве.

У лестницы нового хозяина рушащегося государства дожидались только трое моряков. Флотоводец даже опешил поначалу.

— А где остальные?

— Остальные... — старший из оставшихся моряков замаялся, — они как бы ушли.

— Что значит «как бы ушли»? Здесь флот, а не посиделки на лавочке. Тут нельзя «как бы уйти», тут можно дезертировать.

— Они семьи свои возьмут и вернуться, — пробасил чернородый здоровяк.

— И наши тоже возьмут, — добавил третий, — а мы остались за них службу выполнять. Так что не надо их наказывать, не к добру это будет.

Флотоводец неожиданно для себя осознал, что он один против трех крепких мужиков, каждый из которых, как бы не-

взначай, положил руку на эфес моряцкой сабли. И дисциплина, которая всегда держалась на осознании неотвратимости наказания, сейчас может дать слабину. А ведь это были вовсе не разбойники и не враги. Это хорошие люди, верные моряки из его команды, но если дать хорошим людям приказ бросить на растерзание врагу свои семьи — кто знает, на что они решатся...

— Ладно, потом разберемся, — сдал назад флотоводец, — свои семьи не бросим.

Матросы выдохнули с облегчением. По правилам, брать на боевой корабль посторонних было запрещено, но какие теперь правила...

По дороге к порту их уже ждали. Человек двадцать в доспехах городских стражников; даже сам Феофан, командир городской стражи, вышел встречать. Соловей Будимирович почему-то почувствовал себя некомфортно, имея с собой всего трех моряков. Хотя даже того десятка, что был изначально, вряд ли бы хватило, случись какая-нибудь стычка со стражниками. Все же у тех и кольчуги и щиты, а у моряков только абордажные сабли. В кольчугах на флоте не ходят: упадешь в воду — не выплывешь.

— Раз вернулся, теперь не взыщи, — улыбнулся главный стражник и нехорошо улыбнулся.

— Не понял... — Флотоводец встал чуть поодаль; на самом деле он не столько понял, сколько почувствовал, что перед ним сейчас вовсе не главный страж города стоит, защитник слабых, а главарь новой банды. Нехорошо смотрел на него Феофан, угрюмо глядели и его люди, двое держали в руках арбалеты, остальные сжимали холодное оружие.

— Вернулся ты зря, — продолжил Феофан, — но, раз уж ты здесь, предлагаю договориться по-хорошему. Ни к чему нам еще и между собой тут склоки устраивать. Я беру пять кораблей, что стоят в северной бухте, — и мы друзья.

— Что значит «беру»? Это флот острова Буяна, и он выполняет приказ архипастыря. — Соловей достал печать Еремы и показал стражнику, но символ власти не произвел на того никакого впечатления.

— Старик выжил из ума; кого сейчас волнует, что он приказывает? Он только и делает, что молится в своем соборе. У ме-

ня четыре сотни людей, стен нет. Степняки уже в двух днях пути — *в двух днях!* Их конные разъезды уже видели на тракте, но это разведка. Основные силы тут будут уже завтра, на край — послезавтра. По суше бежать никак нельзя, только морем. Рыбацкие лодки из торговой гавани мои люди еще два дня назад взяли, но это прибрежные суденышки, далеко в море на них ходить опасно. А вот во флоте корабли что надо, до Царьграда доплывем с комфортом.

Флотовый задулся; глядя на его посуровевшее лицо, стражник сменил тон на чуть более мягкий:

— Ты пойми, дело-то какое, нам деваться некуда: либо мы берем у тебя корабли, силой или по-хорошему, грузим на них добро и свои семьи, либо погибаем все. Терять нам нечего. У тебя людей больше, я понимаю, но это пока.

— Что значит «пока»?

— А ты не знаешь еще? — Феофан опять нехорошо усмехнулся. — «Странница» уже ушла.

— Как ушла?.. Кто приказал?

— Как ушла, я тебе скажу: Кипрос пришел — с семейством своим большим да с золотишком. А у него, сам знаешь, богатств немало, на торговле вином много заработал. Ну и купил всю команду с капитаном вместе. Столько денег дал, что не устояли. Я послал своих людей перехватить, да он и их купил. Так что смотри: как скоро твои капитаны поймут, что место на корабле можно очень хорошо продать, думаешь, они спасать будут тех, про кого ты скажешь? Ну-ну.

Сказать по правде, мне бы проще все эти корабли захватить, вот только мои люди в мореходном деле ничего не смыслят. Как бы потом к рабовладельческим берегам не прибило. Так что давай договоримся. У меня несколько сотен людей есть, у тебя тоже немало наберется. Если мы с тобой сейчас договоримся, против нас просто некому будет выступить. А вот если ты меня не захочешь послушать, степнякам и делать ничего не придется: тут одни мертвецы их встретят. Ты пойми, нам терять совсем нечего, — повторил он.

Соловей Будимирович все понимал. И все же что-то, глубоко в душе, противилось тому, чтобы поступать не по приказу. Феофан сейчас со своими людьми должен занять оборону на окраине городской черты и сдерживать врага, покупая свои-

ми жизнями время для эвакуации. А он должен эту эвакуацию обеспечивать и жестоко карать тех, кто пытается протащить родню и знакомых вне очереди. Флотоводец ощутил, что поймал какую-то истину, но она ускользала от него, не давая облечь себя в словесную форму. И все же на излете мысли Соловей сумел сформулировать ее.

«Государство погибает, когда слишком многие в нем забывают о долге». Однажды отец рассказывал ему, как уходили в изгнание берендеи. Две сотни воинов остались стоять, прикрывая бегство своего царя и войска. Две сотни против неисчислимых полчищ мертвяков Коцея. Эти двести воинов погибли все, но своими жизнями они сумели выиграть время для остальных. Поэтому берендеи вернутся, а остров Буян погиб навсегда. Сейчас он, командующий флотом острова Буяна, должен попытаться арестовать стража, забывшего свой долг. И скорее всего, погибнуть в неравном бою против его людей. Флотоводец знал, что долг велит поступить именно так, но он хотел жить. Так же, как хотели жить и сам стражник, и купец Кипрос, что не торгуясь покупал жизни своей родни за немалое богатство. Хотели жить и матросы, которые тащили на корабли свои семьи. Никто не верил, что остров выживет, каждый спасался как мог. То, что еще недавно казалось незыблемым, — государство, охраняемое мощными стенами и лучшим флотом, погибало на его глазах. Он уже решил, что не станет отказывать стражнику, а еще Соловей Будимирович понял, что и приказ архипастыря Еремы он не будет выполнять. Какая, к медведю, Русь — нет ее давно! Одно лишь Тридевятое царство, а в нем — склоки да междоусобицы. Царьград — вот город, что будет стоять целую вечность. Туда надо бежать.

Глава 6 **НЕНАСТОЯЩИЙ КУПЕЦ**

Главное, это не забывать все время строить несчастное выражение лица и каждому жаловаться на убытки. Именно так и должен себя вести купец из далекой Персии, застрявший в осажденном Смоленске. Кому посреди войны нужны ковры,

даже если они созданы руками знаменитых мастеров? Время уходит впустую, не принося с собой ничего, кроме убытков.

— Ну что, Синбэд, опять ничего не продал?

Это местный торговец Митрофан, по-купчески понимает заморского гостя, но и свою выгоду упускать не хочет. А ну как персу надоест все и сбросит он свой товар по цене дешевле некуда? А Митрофан его после войны продаст с огромной выгодой. Стало быть, верит торгаш в победу, не думает, что Смоленск падет.

— Ах, достопочтенный Митрофан, слова ваши — боль моя! Никто во всей город не хотеть мой прекрасный товар!

— Может, стоит понизить цену? — Торговец многозначительно улыбнулся. — Тогда, глядишь, и покупатель сыщется.

— Никак не возможно, никак, — замотал головой купец. — В Королевстве лилий гранд дюк Монселье обещал мне за мой ковер пятьдесят золотых монет. Какой ужасный беда, какой плохой война! Будь проклят король и весь его армий! Тьху!

Для убедительности человек, выдававший себя за купца, даже плюнул на землю. Настоящему Синбэду было уже все равно: и он, и небольшая команда его торгового корабля давно кормили раков в нескольких верстах ниже по течению. Не повезло персам. Зато повезло командиру специального отряда войска Белого королевства Томашу Влачеку и его людям. По уму, конечно, стоит внедрять своих людей заранее, чтобы ни у кого подозрения не вызывали. Только кто мог знать, что Галицко-Волынское княжество со своей своевольной княгиней переметнется на сторону короля? Вот и не насадили в Смоленске своих людей в достаточном количестве. Так что пришлось импровизировать. Будь здесь кто-нибудь толковый, навроде хозяина тайного двора Тридевятого царства, их бы вмиг раскусили. Легенда слеплена буквально наспех. Шутка ли, из двух десятков персидских купцов персидского языка не знает ни один. Знай коверкай русские слова да говори с акцентом: глядишь, и сойдешь за иноземца. Вот только тем, кто обороняет город, сейчас не до того. У них тут полноценная междоусобица назревает. Тысячи полторы новгородцев да чуть меньше тысячи варягов, смотрят друг на друга, как волки, да местное ополчение в тыщи три голов, которое рядом не стоит ни с варягами, ни с новгородцами. Одно сло-

во — ополчение, вчерашние селяне да босяки, наспех вооруженные и не обученные вообще никак. И все это в осажденном городе, окруженном воинством его величества Сигизмунда.

Первое время Томаш думал выбрать удачное время да открыть ворота, но этот план имел массу недостатков. Нет, двух десятков его головорезов вполне могло хватить, чтобы перебить заскучавшую стражу каких-нибудь ворот. Вот только сил у обороняющихся вполне хватит, чтобы подтянуть быстро несколько сотен защитников и выдавить нападающих обратно за городские стены. Так что план не обещал успеха. На голод рассчитывать и вовсе не приходилось: это же надо как удачно варяги заготовили столько мяса из чуда-юда рыбы-кота!.. Еды в городе столько, что хоть продавай ее. С сожалением Томаш отмечал, что дела у его короля были весьма скверны. Стены Смоленска оказались прочны, все попытки разбить их собранными наспех осадными машинами не кончились ничем. Попытки уморить город голодом обречены изначально. А если попытаться пойти на приступ, то это принесет огромные потери с малопонятным результатом. Вот и выходит, что встряло тут королевское воинство крепко: на год, а то и не один.

И вся надежда короля и всего Белого королевства именно на его отряд. Двадцать человек, отборные бойцы, и они не подведут своего короля. С тех пор как после битвы в город прорвался полк новгородцев, перед лазутчиками наконец забрезжил луч надежды. Очень скоро оказалось, что новгородцы и варяги не просто недолюбливают друг друга, а вот прямо на ножах. Хоть сейчас готовы рвать друг другу глотки; стало быть, их просто надо к этому подтолкнуть. И некоторые идеи, как это сделать, у Томаша уже были.

Фальшивые персы заняли целый дом, большинство его людей в город не выходили, чтобы не засветиться раньше времени. За постой платили вовремя, не забывая делать страдальческое выражение лица и постоянно выпрашивать отсрочку да послабление. Денег у ложных купцов на самом деле хватало, Сигизмунд не поскупился, король хорошо понимал, как сильно могут понадобиться деньги лазутчикам. И Томаш и его люди своего короля очень уважали. Сигизмунд был мудр и спра-

ведлив, так что все старались, работали на совесть. Смоленск должен пасть, а король должен быть доволен.

— Пил с варягами в корчме на городском рынке, — доложил Миклош, один из его проверенных людей, с которым он дел лихих совершил уже немало, — бахвалятся, что и без новгородцев прекрасно справлялись. И что никому не взять крепость, которую держат варяги.

— У варягов нет крепостей, откуда у них опыт осады? — усмехнулся Ивасик, самый молодой в отряде.

— Зато у варягов огромный опыт бахвальства и хвастовства, — из угла выглянул Казимир, ветеран.

Бойцы специального отряда войска Белого королевства — подразделения, известного под названием «белые мыши», рассмеялись, но Томаш веселья не поддержал:

— Стены у них крепки, и воины они отменные, так что смешного я тут вижу мало. А чтобы вам всем веселое настроение подпортить, скажу новость. Требушеты, что по приказу короля сюда тащили, в болоте утопли. Так что надежды стены разбить теперь совсем мало. А лезть на стены... сами видели все прошлые попытки. А теперь еще и новгородцы в город провались, так что защитников прибавилось. И дела у нашего короля, прямо скажем, идут паскудно.

— Если в подпол твой забралась белая мышь, дом твой в большой беде, — усмехнулся Ивасик.

Парень был молодой, Томаш даже не хотел его поначалу брать, но отказаться не получилось. Ивасик приходился родным племянником королевскому ловчему. Обычно такие родственнички в гвардию лезут, в пажи и оруженосцы к знаменитым рыцарям. А вот этот упорно набивался в спецотряд. А ведь тут со славой туго. «Белые мыши» воюют в тени, да и чести рыцарской не знают. Заколоть врага спящим, отравить его колдцы, заразить его скот... Работа грязная, но на войне необходимая. Вот только Ивасик себя показал сразу. Во время бунта против Сигизмунда он лично пробрался к одному из рыцарей ордена, известному тем, что тот любил молоденьких мальчиков. И играл свою роль так хорошо, что рыцарь в него влюбился по уши. Вот только вся переписка с магистром и многие секреты ордена тут же становились известны королю. А потом уже, после подавления восстания, Ивасик лично расправился

с любвеобильным рыцарем и двумя его охранниками. Так что «белой мышью» молодой участник был самой настоящей.

— Языком молоть каждый может, — отрезал Томаш, — мысли есть у кого?

— Отравить колодцы не выйдет, — заметил Казимир, — река течет сквозь город. А вот отравить запасы еды — это может сработать.

— Не может, — не согласился командир отряда, — тут в каждом доме запасы из мяса чуда-юда рыбы-кита; ну отравишь ты один склад, это как булавкой в медведя тыкать. Думаем дальше.

— Убить князя. С ним всегда человек пять из дружины, но при желании упокоить его можно.

— Опасно, — не согласился Томаш, — но что еще хуже — не обещает результата. Никакой гарантии, что следующий не окажется еще хуже.

— Открыть ворота! Ночью! Предупредив наших.

— Это уже лучше. Я и сам про такое думал, но вот давай представим, что будет. Допустим, стража зевнула, и мы их всех по-тихому сняли. Человек десять на воротах. Махнули факелом воинам, и те устремились в проем. Сколько успеют войти, прежде чем защитники очухаются?

— Сотни три!

— Навоза поскреби, — грубо ответил в рифму, как он считал, командир. — Как только ты начнешь поднимать решетку на воротах, скрип и грохот тебя выдадут. Все патрули и секреты мы не сможем нейтрализовать. Когда первые наши ратники пролезут в узкую щель между поднимающейся решеткой и землей, к воротам уже будет бежать несколько сотен защитников, а еще пара тысяч — спешно одеваться и облачаться в кольчуги. И это вовсе не только ополчение: половина из них — ветераны, новгородцы или варяги. Они даже спят с оружием. И вот уже человек десять наших ратников прошли за стену, еще пара десятков лезут, и именно в этот момент по нам ударят. И все они прекрасно поймут: либо они нас выдавливают за ворота, либо им конец; так что не жди растерянности. Ох, не верю я в этот план.

— С бунтовщиками под Краковом же получилось...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Защитник юной княгини	5
<i>Глава 2.</i> Совет баюнов	9
<i>Глава 3.</i> Палач — тоже работа	12
<i>Глава 4.</i> Неотправленные письма	19
<i>Глава 5.</i> Бег	28
<i>Глава 6.</i> Ненастоящий купец	35
<i>Глава 7.</i> Доказательство верности	41
<i>Глава 8.</i> Долгожданное спасение	57
<i>Глава 9.</i> Русские девчонки против всех	64
<i>Глава 10.</i> Алатырь-камень	68
<i>Глава 11.</i> Сказка, которая ни при чем	76
<i>Глава 12.</i> Переговоры	81
<i>Глава 13.</i> Сердце заговора	88
<i>Глава 14.</i> Стены и люди	93
<i>Глава 15.</i> Упрямый Илья	99
<i>Глава 16.</i> Охота на охотников	106
<i>Глава 17.</i> Бог любит баюна	112
<i>Глава 18.</i> Языковой казус	116
<i>Глава 19.</i> Дипломатия по-богатырски	121
<i>Глава 20.</i> Влияние голов на принятие решений	124
<i>Глава 21.</i> Ночная охота на крыс	127
<i>Глава 22.</i> Жених иноземный	131
<i>Глава 23.</i> Черное и белое	138
<i>Глава 24.</i> Злой город	143
<i>Глава 25.</i> Новый учитель	155
<i>Глава 26.</i> Немного о кисах	160
<i>Глава 27.</i> Похожий шут	167
<i>Глава 28.</i> Третий, и последний	172

<i>Глава 29.</i> Лекарь не поможет	182
<i>Глава 30.</i> Возвращение домой	187
<i>Глава 31.</i> План спасения	194
<i>Глава 32.</i> Время решительных действий	198
<i>Глава 33.</i> Плохая баба	202
<i>Глава 34.</i> Две башни глупости	205
<i>Глава 35.</i> Калека	210
<i>Глава 36.</i> Два брата	213
<i>Глава 37.</i> Полезные рабовладельцы	219
<i>Глава 38.</i> Петя-петушок	223
<i>Глава 39.</i> Подсчет людей	230
<i>Глава 40.</i> Два важных разговора	233
<i>Глава 41.</i> Сухопутное море	246
<i>Глава 42.</i> Шут царя Гороха	251
<i>Глава 43.</i> Немыслимое злодеяние	256
<i>Глава 44.</i> Битва будет скоро	264
<i>Глава 45.</i> Поединок	266
<i>Глава 46.</i> Союз уродов	273
<i>Глава 47.</i> Первая победа	276
<i>Глава 48.</i> Волчья сыть	280
<i>Глава 49.</i> Чудовища против чудовищ	287
<i>Глава 50.</i> Полезный злодей и вредный герой	297
<i>Глава 51.</i> Вечное заклятие	301
<i>Глава 52.</i> Воинство баранов под предводительством льва	305
<i>Глава 53.</i> Изначальный план	312
<i>Глава 54.</i> Побойще	317
<i>Глава 55.</i> Горькая участь	332
<i>Глава 56.</i> Золотая держава	336
<i>Этилог.</i> Глухомань	340